

DOI 10.31029/vestdnc78/5

УДК 94(470.67)

ВОССТАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В 1823 ГОДУ: ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Р. А. Атаев¹, ORCID: 0000-0002-0943-218X

У. Т. Алиева¹, ORCID: 0000-0002-6938-5741

И. И. Ханмурзаев², ORCID: 0000-0003-0645-3978

¹Дагестанский гуманитарный институт (филиал) Академии труда
и социальных отношений

² Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

В статье рассматривается история восстания в Дагестане в 1823 г., указываются формальные причины восстания, описывается его ход, действия царской военной администрации по подавлению восстания и наказанию повстанцев. К настоящему времени истории этого восстания не было посвящено отдельной статьи, хотя ряд фактов этого восстания приводили в своих трудах и другие исследователи. Усиление колониальной политики царизма на Северном Кавказе привело к целому ряду восстаний в Дагестане в 1818–1823 гг., возглавляемых феодальными владельцами.

The article examines the history of the uprising in Daghestan in 1823, indicates its formal reasons, describes its course, the actions of the tsarist military administration to suppress the uprising and punish the rebels. Up to now not a single separate article has been devoted to the history of this event, although a number of facts of it have been mentioned by many researchers in their works. Strengthening of the tsarism colonial policy in the North Caucasus resulted in a number of rebellions in Daghestan in 1818–1823 led by feudal rulers.

Ключевые слова: восстание 1823 года, Умалат-бек Буйнакский, Султан-Ахмед-хан Аварский, А.П. Ермолов, полковник Е.И. Верховский, Дагестан, Мехтулинские деревни, Кафыр-Кумух, Эрпели, Каранай, Табасаран, Кайтаг.

Keywords: uprising of 1823, Umalat-bek Buinaksky, Sultan-Akhmed-khan Avar, A.P. Ermolov, E.I. Verkhovsky, Daghestan, Mekhtulinsky villages, Kafir-Kumukh, Erpeli, Karanay, Tabasaran, Kaitag.

После 1813 г. происходило дальнейшее укрепление российских позиций на Северном Кавказе. Активизация политики России на Кавказе была связана с усилением ее роли на европейском континенте в результате разгрома наполеоновской империи и решений Венского конгресса 1814–1815 гг. Становясь все более сферой внутренней политики России, Северный Кавказ оставался ареной острых международных противоречий. Турция и Иран продолжали свои притязания на пересмотр Гюлистанского и Бухарестского мира, рассчитывая на помощь западных держав. Наиболее последовательно политическую поддержку Турции в Европе оказывала Австрия. Что касается Англии, то она подстрекала шахское правительство против России. Так, британская Ост-Индская компания и лондонский кабинет помогали Ирану деньгами и оружием, посылали туда своих офицеров и военных советников, одаривали шаха и его сановников богатыми подарками [1, с. 30–31].

Царское правительство ясно осознавало значение Северного Кавказа в случае войны с Турцией и Ираном. В то же время царизм учитывал и внутренний фактор, отношения России с коренными народами Северного Кавказа. Так, в предписании А.П. Ермолову от 29 июля 1816 г. император, говоря о намерении постепенно завершить покорение Кавказа, писал: «...Сей важный предмет требует неослабного с нашей стороны попечения, ибо доколе продолжаться будет неприязненное положение сими народами, до тех пор нельзя ручаться за прочность нашего военного положения в Грузии» [2, с. 126].

Военных линий на Северном Кавказе у России не хватало, однако царское правительство было не готово отправить туда крупные войсковые соединения. В обстановке, когда ее отношения с Турцией и Ираном могли привести в будущем к новым войнам, Александр I решил назначить

главнокомандующим на Кавказе одного из самых известных генералов России – А.П. Ермолова [1, с. 32].

С назначением А.П. Ермолова методы колониальной политики царизма на Кавказе резко ужесточаются. Так, одним из действенных средств в борьбе с горцами генерал считал голод. Следуя этой политике, горских крестьян оттесняли с плоскости в глубь неплодородных скалистых ущелий, где невозможно было заниматься ни земледелием, ни скотоводством. В 1817 г. было положено начало возведению Сунженской укрепленной линии, которая представляла собой ряд крепостей и опорных пунктов для царских войск: в 1818 г. была построена крепость Грозная, в 1819 г. – Внезапная, в 1821 г. – Бурная [3, с. 11–12].

Перенос линии на р. Сунжу вызвал недовольство среди владетелей Дагестана. Первым выступил против царских войск Султан-Ахмед-хан Аварский, за ним – ханы Мехтулинский, Казикумухский, уцмий Каракайтагский и другие владетели и старшины сельских обществ. В 1818 г. аварский хан с большим количеством войска напал на русский отряд и, частично истребив его, занял селение Башлы. А.П. Ермолов со значительным войском двинулся в Дагестан, где разбил войско аварского хана и сжег резиденцию мехтулинского хана Дженгутай [1, с. 36]. В наказание за участие в восстании А.П. Ермолов лишил ханского звания Султан-Ахмед-хана Аварского и назначил вместо него Сурхай-бека Сиухского. Тогда же А.П. Ермолов присоединил к владениям Мехти-шамхала Тарковского имения Султан-Ахмед-хана Аварского, брата его Гасан-хана Дженгутаевского и владельца Бамматулы Гирей-хана [4, с. 103].

Однако репрессии главнокомандующего не дали ожидаемых результатов. Волнения в Дагестане продолжались. Активную поддержку горцам, особенно аварскому хану, в это время оказывали Турция и Иран, возбуждая их к войне с Россией [5, с. 28–29]. Так, в частности, Иран спонсировал крупными суммами денег лидеров антирусских выступлений в Дагестане, кроме того не раз организовывал вооруженные провокации на границе [5, с. 30–31].

Активные военные действия в Дагестане продолжались и в 1819–1820 гг., в ходе которых А.П. Ермолову удалось подчинить Табасаран, Каракайтаг, Акушу и Казикумухское ханство [6, с. 278].

После подавления восстания, вспыхнувшего в 1818 г., в котором кроме шамхала участвовали почти все дагестанские владетели, в Дагестане наступило временное затишье. В июле 1820 г. ген. Ермолов сообщал Александру I: «Сим довершено начатое в 1819 году покорение Дагестана, и страна сия, гордая, воинственная и в первый раз покорствующая пала к ногам Е.И.В.» [2, с. 7].

В 1821 г. закончилось строительство крепости Бурной выше Тарков, которой заканчивалась русская линия укреплений от Сунжи до Дагестана. Как пишет Потто, «... завершалось окончательное и крепкое подчинение шамхальства, бывшего во все время дагестанских войн предметом нападений горцев, стремившихся оторвать его от России [6, с. 383]. Это вызвало волнения во владениях шамхала и среди горцев. Воспользоваться сложившейся ситуацией решил Султан-Ахмед-хан Аварский, который в начале августа 1821 г. «пригласил чеченцев, готовится напасть на русских, андреевские и аксаевские деревни соединяются с аварским ханом» [2, с. 10]. С отрядом в количестве 1000 тыс. всадников Султан-Ахмед-хан Аварский напал на Тарки, а затем окружил Большое Казанище, где в это время находилось семейство шамхала. Против аварского хана был отправлен отряд Вельяминова, который, преследуя аварского хана, 29 августа 1821 г. занял селение Аймаки, разрушив его до основания [6, с. 385]. В отряде аварского хана находилась и часть крепостных самого шамхала [5, с. 35], а также жители Доргели, Большого Дженгутая и Кафыркумуха [7, л. 193].

Для наказания горцев, участвовавших в антирусских выступлениях, А.П. Ермолов применял различные меры, распространявшиеся на целые народы. Так, в предписании ген.-м. кн. Мадатову от 26 сентября 1822 г. А.П. Ермолов писал: «Желая наказать аварцев и андреевцев, имевших до-

селе безвозбранную в границах наших торговлю, за разные неблагонамеренные их поступки, я предлагаю сделать распоряжение, чтобы никто из народов сих ни по чьим билетам в управляемых вами провинциях и ханстве Карабагском впредь до повеления принимаем не был; чтобы аварцы и андийцы, открыться теперь имеющие, были под арестом задержаны; товары, им принадлежащие, конфискованы, и мне в то же время донесено о том было, с приложением подробной описи оным, и чтобы сверх того подтверждено было, в особенности армянам и жидам, о неимении с ними тайного торгова, под опасением строжайшей ответственности» [2, с. 29].

В течение 1821–1822 гг. ряды дагестанских владетелей, участвовавших в антироссийской деятельности, заметно поредели. Так, в это время умерли Хасан-хан Мехтулинский, бывший дербентский владетель Шихали-хан и уцмий Каракайтагский Адильхан, который был убит своим родственником Эмир-Гамза-беком, а Абдулла-бек Ерсинский выпросил прощение и получил разрешение жить в Табасаране при условии выдать в аманаты одного из своих сыновей [8, с. 477].

Воспользовавшись относительным спокойствием в Дагестане, русское командование в начале 1823 г. решило продолжить работы по строительству крепости Бурной. Работами руководил подполковник Е.Е. Евреинов, под начальством которого находились: один батальон Апшеронского и один батальон Куринского полков, 2-я пионерская рота 8-го батальона, 4 орудия и 30 линейных казаков [8, с. 496]. В помощь русским войскам к работам в крепости Бурной было привлечено и местное население, в том числе и мехтулинцы, в чьи обязанности входило поставлять рабочих и подводы [9, с. 145].

Категорически против постройки крепости Бурной выступал Султан-Ахмед-хан Аварский. Позиция последнего объяснялась и тем, что Ермолов после восстания 1818 г. в Дагестане нашел претендента на Аварское ханство. Им оказался Сурхай, сын Гебека, брата Умахана Аварского. Ермолов снабдил Сурхая особой печатью, без которой аварцы лишались права торговать с русскими подданными. Нарушителей же хватали и отправляли на работы в крепости. Это решение Ермолова лишало возможности для аварского хана примирения с русской властью [6, с. 386]. Аварский хан нашел поддержку среди тех мехтулинцев, чьи деревни были отданы шамхалу после восстания в Дагестане в 1818 г. В результате жители этих деревень отказались от работы в Бурной. И.И. Евреинов отправил к ним пристава Батырева и своего переводчика прапорщика И.Н. Мещерякова. Однако на требование их снарядить рабочих жители селения Оглы объявили, что, работая в Бурной, они лишаются сенокоса и жатвы хлеба, а кроме того не переносят знойного лета в Тарках и умирают. Вскоре также отказались идти на работу в Бурную и жители селений Эрпели, Каранай и Ишкарты, а взамен обещали платить по 500 баранов в год. В ответ на попытку употребить силу жители Оглы избили Батырева и И.Н. Мещерякова. Этот поступок был расценен как открытое восстание против правительства и власти шамхала, после чего русским командованием было принято решение усмирить мятежников [8, с. 496–497].

Получив донесение о положении в Дагестане, А.П. Ермолов предписал сформировать особый отряд под командованием генерал-майора К.К. Краббе, в состав которого вошли также 2-й и сводный батальон Апшеронцев [10, с. 372].

В Мехтулинское ханство было решено отправить два отряда. Первый из них под начальством подполковника И.И. Евреинова состоял из 2-го батальона Апшеронцев, 4 орудий и 20 линейных казаков [10, с. 372]. Другой же отряд был сформирован из сводного Апшеронского батальона и батальона Куринского полка во главе с полковником Е.И. Верховским и должен был выступить из Дербента [10, с. 372]. Соединение этих отрядов должно было произойти в селении Параул, где полковник Верховский, приняв общее начальство, должен был действовать по обстановке [8, с. 497].

Еще до прихода русских войск мехтулинцы послали гонцов к аварскому хану с просьбой о помощи, часть же из них скрылась в горах [8, с. 497]. Прибыв в Мехтулу 13 июля 1823 г., И.И. Евре-

инов остановился лагерем в 10 верстах от с. Кулецма, откуда отправил приказание к ушедшим в горы возвратиться в свои селения, обещав при этом прощение виновным [8, с. 497–498]. Вскоре жители селений Оглы, Гапши и Кулецма изъявили покорность и дали обещание отправиться на работы в Бурную. В то же время они пожаловались на притеснения от пристава Батырева и его казаков [8, с. 498]. Злоупотребления в управлении мехтулинцами пристава Батырева был вынужден признать и Ермолов. Так, в своем письме к шамхалу от 21 июля 1823 г. Ермолов писал: «Не жалею, о потере времени, столь нужного для работ в крепости, о трудах отряда, особливо артиллерии, при переходе горы Калантай, потому только, что мне открылось многое, бывшее до того времени для меня тайной. Непорядочное управление народом, злоупотребления управляющих довели, наконец, бедных мехтулинцев до того, что они, потеряв терпение, решились, оставя свои дома, скитаться в горах и искать чуждаго крова» [8, с. 498].

Добившись покорности от мехтулинцев, И.И. Евреинов отпустил батальон в Тарки, а сам же отправился на свидание с Е.И. Верховским, который прибыл с отрядом в Карабудахкент. Здесь им стало известно, что Султан-Ахмед-хан Аварский явился в Гергебиль с 50 всадниками, где приглашал андийцев соединиться с ним, но они не последовали за ним. Е.И. Верховский решил вернуться в Кусары, и утром 19 июля во главе своего отряда выступил в поход [8, с. 498].

Однако аварский хан нашел поддержку в лице Умалат-бека, сына буйнакского владетеля Шахабаса, которого сумел настроить против Е.И. Верховского [8, с. 498–499]. Умалат-бек являлся двоюродным племянником и зятем Мехти-шамхала, с которым в это время находился в ссоре по поводу развода с его дочерью. Приняв активное участие в антирусских выступлениях в Дагестане в 1819 г., Умалат-бек был прощен военным командованием, после чего сблизился с полковником Е.И. Верховским и находился при нем почти четыре года. Мечтая о владении титулом шамхала, Умалат-бек рассчитывал на помощь Е.И. Верховского. Но не получив поддержки своим политическим амбициям, Умалат-бек решил поддержать аварского хана [6, с. 386–388].

Между селениями Губден и Утамыш, когда И.В. Верховский далеко отделился от отряда, находившийся при нем Умалат-бек, подстрекаемый Султан-Ахмед-ханом Аварским, с которым имел тайные сношения, выстрелом из ружья убил Е.И. Верховского и бежал в горы [11, с. 23–24].

Долгое время находясь при Е.И. Верховском, Умалат-бек знал о малочисленности русских войск в Мехтулинском ханстве и его окрестностях, чем, вероятно, и решил воспользоваться [8, с. 501]. После убийства Е.И. Верховского он прибыл в те мехтулинские деревни, которые были подарены шамхалу в 1819 г. Здесь за короткий срок Умалат-бек сумел поднять их жителей на восстание, к которым присоединились и койсубулинцы [11, с. 24].

К активным действиям приступил и аварский хан, который уже на следующий день после убийства Е.И. Верховского отправил своих лазутчиков в Чечню с известием, что «в Дагестане убит первый человек у русских, всегда бывавший при главнокомандующем». Но чеченцы удержались от волнений [8, с. 499]. Следует отметить, что это было не первое обращение аварского хана к чеченцам. Так, еще в конце сентября 1822 г. Султан-Ахмед-хан просил чеченцев отстаивать свою независимость, уверяя последних, что «султан объявил войну России, и весной турецкие войска придут на помощь» [8, с. 489].

В это время обостряются отношения между Россией и Турцией. Последняя финансировала и подталкивала дагестанцев к набегам на Грузию, что вызывало резкие протесты российских дипломатов [12, с. 400]. Взаимоотношения Турции и России осложнялись также и из-за персидско-османской войны 1821–1823 гг. Петербург оказывал поддержку Ирану, предоставив ему выгодный заем для закупки вооружения [12, с. 400]. В 1823 г. обострились и русско-иранские отношения [13, с. 86–87]. В связи с этим А.П. Ермолов просил увеличить войска на Кавказе, однако Александр I не прислушался к его мнению и потребовал урегулирования отношений с Ираном. В своем письме

к А.П. Ермолову император писал: «Ныне, когда дела с Турцией, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоразумно было бы помышлять о разрыве с персиянами и умножать взаимные неудовольствия» [14, с. 484–485].

Волнения в Мехтулле вызвали беспокойство у шамхала, который просил занять войсками селение Параул и усмирить его подданных [8, с. 499].

Против восставших мехтулинцев были брошены войска в составе отряда Е.И. Верховского, возглавленные генералом К.К. Краббе, и присоединившийся к нему отряд И.И. Евреинова, вызванный из крепости Бурной. К этому времени основные силы восставших были сосредоточены при деревнях Каранай и Эрпели. 29 июля после короткого боя Каранай был взят русскими войсками и разрушен до основания, основные же силы повстанцев отступили в Эрпелинское ущелье [10, с. 373; 9, с. 146].

Утром следующего дня русские войска подошли к Эрпели, где собралось значительное количество повстанцев. Здесь при посредничестве шамхала К.К. Краббе послал эрпелинцам приказание в течение часа сложить оружие и изъявить покорность. Однако эрпелинцы ответили, что покорность принесут шамхалу при условии, если русские войска покинут их пределы. Убедившись, что восставшие хотят выиграть время в ожидании помощи от койсубулинцев, К.К. Краббе ввел войска в дело. В результате ожесточенного сражения, продолжавшегося восемь часов, Эрпели было сожжено. В этом сражении на стороне восставших участвовали жители селений Унцукуль, Гимры, Чиркей, Каранай, Ишкарты и Эрпели [10, с. 375]. По данным русского командования, потери мятежников были значительны, однако подавить восстание полностью все же не удалось [10, с. 375]. Вот что об этом сражении писал Ермолов: «...неприятель, пользуясь лесистым местоположением, дрался довольно упорно. С нашей стороны не было удобства употребить с выгодой артиллерии и, по малочисленности войск, нельзя было овладеть всею деревнею, и, по тому не вся истреблена она. Сражение сие ... удержало многих от возмущения, но подъявшие оружие не довольно были наказаны» [9, с. 146–147].

После эрпелинского сражения русское командование решило отвести войска к Темир-Хан-Шуре, где они стали лагерем на левом берегу речки Эрпели-чай.

Вслед за тем все раненые были отправлены в Тарки. Общее количество их составило 50 человек. При этом один был убит и трое пропали без вести [10, с. 375].

Эти события в Дагестане пошатнули доверие русского командования и к шамхалу. Так, в ответном письме на рапорт Краббе Ермолов писал: «Жаль трудов храбрых войск в пользу шамхала, который управлять народом не умеет, нам не содействует и еще робостью своею может ободрить неприятеля» [6, с. 389].

Вскоре после боя при Эрпели, как отмечает В. Потто, «по дорогам повсюду стали появляться вооруженные люди из числа аварцев, койсубулинцев, приезжих чеченцев и даже хищников из южных татарских областей» [6, с. 389]. 30 июля стало известно о смерти Султан-Ахмед-хана Аварского. Однако это событие не могло повлиять на восстание, которое все больше нарастало. Главную роль в восстании играл Умалат-бек, который в это время поселился в Унцукуле, где занялся формированием отрядов из горцев [8, с. 501].

Одним из сторонников Умалат-бека был и сын Хасан-хана Мехтулинского (Ахмед-хан Мехтулинский. – *Авт.*), который пользовался авторитетом среди дженгутаевцев [8, с. 501]. Умалат-бек распустил слух, что русские войска не могут прибыть в Дагестан, так как их отвлекает война с турками и персами. Вновь направив свою деятельность на мехтулинские деревни, Умалат-бек сумел поднять на восстание их жителей, которые в первых числах августа в Дженгутае убили пристава [11, с. 24]. В это же время Абдулла-бек Ерсинский по призыву Умалат-бека начал будоражить кайтаго-табасаранцев [11, с. 24].

Вскоре восстание охватило и селения шамхальства. Первым действием мятежников стало нападение 13 августа на роту Апшеронского полка капитана Овечкина, сопровождавшую продовольственный транспорт из крепости Бурной в Параул, где в это время находился отряд Евреинова в количестве 1300 человек. Дойдя до Кафыр-Кумуха, транспорт был окружен конною толпой мятежников более 2000 человек. Однако подоспевший на помощь Овечкину отряд И.И. Евреинова лишил горцев надежды овладеть транспортом [8, с. 501–502]. Рассеянные толпы горцев, усиленные прибывшими группами, заняли все окрестные высоты. В результате количество мятежников под предводительством Ахмед-хана Аварского (Ахмед-хан Мехтулинский. – *Авт.*), Чанка-Бубая, Умалат-бека и др. достигало уже до 15 000 человек [10, с. 375]. Отступить к Таркам ночью с большим обозом было опасно, и ввиду этого Евреинов решил расположить свой отряд у Кафыр-Кумуха. «Возвышенности противоположного берега Озень-чая и Халимбек-аул занимало скопище Умалат-бека, состоявшее из койсубулинцев и шамхальских мятежников» [10, с. 375–376]. В отряде Умалат-бека находились: «унцукульцы, чиркеевцы и все шамхальцы, исключая селений: Тарки, Кяхулай-Торкали, Альбурикент, Амирхан-кент, Агач-аул, Атлы-Боюн, Янги-юрт, Кумторкали, Капчугай, Кадар, Гелли, Карабудахкент, Губден и Буйнак» [10, с. 377].

Основное сражение началось в 2 часа ночи 14 августа, когда отряд Ахмед-хана, спустившись с окрестных возвышенностей, пошел в стремительное наступление на позиции отряда И.И. Евреинова. Ожесточенный бой длился до 8 часов утра. Отсутствие огнестрельного оружия у многих горцев, большинство из которых дрались короткими дротиками, во многом предрешило исход сражения. Выбитые из всех нижних завалов восставшие отступили к Кафыр-Кумуху и Халимбек-аулу. При этом часть их заняла эти аулы [10, с. 376]. На следующее утро на помощь Евреинову подошли 2 роты Апшеронского и 2 роты Куринского полков, конвоировавшие транспорт с боеприпасами. С прибытием их восставшие отступили в ущелья [8, с. 502].

В сражении при Кафыр-Кумухе горцы понесли значительные потери. Убитых насчитывалось около 300 человек, а раненые имелись почти во всех мятежных шамхальских и мехтулинских селениях. Взятых же в плен горцев Евреинов приказал повесить [10, с. 377].

Что касается потерь русских войск, то они заключались «в одном убитом обер-офицере и 13 нижних чинах; раненных: 1 обер-офицер и 32 нижних чина; контуженных: 1 штаб-офицер, 2 обер-офицера и 13 нижних чинов» [10, с. 377].

15 августа русские войска выступили к Параулу, жители которого вышли далеко вперед с изъявлением покорности; сюда же явились с просьбой о прощении жители Темир-Хан-Шуры и других аулов. После дачи аманатов им было приказано вернуться в свои дома [10, с. 377].

Что касается жителей селений Карабудахкент, Буйнак, Гелли и Губден, то они не участвовали в сражении у Кафыр-Кумуха. Однако перед этим получив приказание Умалат-бека, вооружившись, собрались все в Гелли и ждали дальнейших его указаний. Распустив слух, что русские войска окружены, 14 августа Умалат-бек послал приказание собравшимся в Гелли срочно спешить на соединение с ним. Однако по пути к Кафыр-Кумуху ими были получены достоверные сведения об исходе сражения. Прибыв в Казанище к шамхалу, они прибегли к его посредничеству и вместе с ним прибыли в Параул. Вслед за тем жителями Большого и Малого Дженгутая также была изъявлена покорность [10, с. 377]. Евреинов потребовал от мехтулинцев аманатов и, получив их, передал 26 августа прибывшему в Параул генералу Краббе, а сам отправился в Тарки [8, с. 502].

После боя у Кафыр-Кумуха жители селений Эрпели, Каранай, Ишкарты и др. разделились на две партии: одна из них, состоявшая из людей зажиточных, желала спокойствия, а другая – из людей бедных – осталась верной Умалат-беку [8, с. 503]. Такое же разделение возникло и среди унцукульцев. Одни из них продолжали покровительствовать Умалат-беку, другие же были против него. В результате партия противников оказалась сильнее, и Умалат-бек был вынужден уйти в Анди [8, с. 503].

Получив известия о событиях в Дагестане, Ермолов в своем предписании к К.К. Краббе писал: «Усмирив возмущившуюся мехтулинскую провинцию и подданных шамхала, употребите тайные средства к изысканию, кто были главными зачинщиками бунта и убийства пристава Батырева. Сии последние должны быть примерно наказаны, или иначе ободятся к повторению подобных своевольств» [2, с. 86–87].

Враждебную позицию по отношению к русской власти на Кавказе занимали и представители мусульманского духовенства. А.В. Фадеев пишет: «Самый факт перехода в подданство христианского государя подрывал престиж и ослаблял влияние священнослужителей ислама среди местного населения. Но особенно его возмущало ограничение русскими властями паломничества кавказских мусульман к святыням Мекки, часто производившееся в порядке репрессий по отношению к горскому населению [15, с. 115]. Так, одним из главных зачинщиков восстания 1823 г. был кадий селения Кака-Шура Хасан, которого А.П. Ермолов приказал «схватить» [2, с. 87]. В то же время, чтобы лучше разобраться в причинах восстания, А.П. Ермолов указывал Краббе, что «виною беспокойств и измены всегда старшины, а не простой народ, по большей части добродушный, увлекаемый сими мошенниками. На них обратите особенное внимание ваше и о них точнейшие сведения необходимы» [2, с. 87].

Опасаясь за малое количество русских войск в Дагестане, что, по словам Ермолова, могло «ободрить горские народы к новым предприятиям», верившим «распущенным убийцею (Умалатбеком. – *Авт.*) слухам, что с Турками и Персиянами война занимает все войска наши и туда никто не пребудет», сформировав во Владикавказе отряд в составе 2 батальонов пехоты, 8 орудий артиллерии и одной сотни линейных казаков, 20 сентября А.П. Ермолов двинулся в Дагестан и 3 октября прибыл в крепость Бурную. В тот же день А.П. Ермолов прибыл со своим отрядом в Казанище, где и расположился лагерем [9, с. 148–149].

Между тем А.П. Ермолов не собирался оставлять без наказания койсубулинцев и с этой целью решил предпринять поход в Нагорный Дагестан. Войска были собраны в Дженгутае и далее перешли в Эрпели, но поздняя осень с ненастной погодой заставила отложить этот поход. В результате Ермолов ограничился только рекогносцировкой горных путей в селения Аракань, Гимры и Ирганай, после чего вернулся назад [6, с. 390]. Однако Ермолов нашел способ наказать койсубулинцев. Зная, что с наступлением осени они должны спустить свои стада на равнины, Ермолов приказал захватить их стада. В то же время мехтулинцам было объявлено, что всякий, кто примет или укроет койсубулинский скот, лишится всей своей собственности. Взамен на право пасти скот на равнине Ермолов требовал от койсубулинцев аманатов. И вскоре аманаты были даны [6, с. 390]. Следует отметить, что некоторые из мятежных селений выдали аманатов при посредничестве кадиев и старшин Даргинского вольного общества, которое не приняло участия в восстании 1823 г. [2, с. 83].

Последними очагами сопротивления оставались Табасаран и Каракайтаг, где возмущали народ Абдулла-бек Ерсинский и сын бывшего уцмия Хан-Мамад. Еще до прибытия в Дагестан для борьбы с ними А.П. Ермолов приказал отправить в Дербент две роты 41-го егерского полка, расположенные рядом с Шемахой [8, с. 506]. Аслан-хану Кюринскому было велено наказать табасаранцев отнятием у них стад, а «в деревнях Кайтага поставлена экзекуция». И вскоре восстание было подавлено [11, с. 25].

После наступления спокойствия в Дагестане сводный батальон Апшеронцев возвратился в г. Кубу, 2-й батальон был отправлен в крепость Бурную, а остальные части отряда стали на зимние квартиры по аулам [10, с. 378]. Казанище, где лагерем стал Ермолов, было выбрано им не случайно. Так, в одном из своих предписаний генералу Краббе он писал: «Шамхал скрывает преступления жителей Казанищ по слабости своей, а все знают, что там издавна гнездо изменников и что шамхал ими обманываем» [2, с. 87].

В Казанище А.П. Ермолов при посредничестве шамхала тайно встречался с известным дагестанским ученым Саидом Араканским, который имел большой авторитет среди горских народов, и особенно среди акушинцев. Узнав от этого ученого впервые о сущности учения мюридизма, А.П. Ермолов в его лице нашел надежного союзника, за что определил ему и жалованье. В течение нескольких лет Саиду Араканскому удавалось способствовать миру в Дагестане [11, с. 25–26; 9, с. 153].

Избегая широких репрессий в отношении участников восстания, по-видимому, чтобы не вызвать новых народных волнений, царское командование объявило им прощение. В то же время, как писал А.П. Ермолов, на виновных был «... наложен штраф хлебом и скотом в пользу войск и весьма небольшое число денег, дабы взыскание было чувствительнейшим» [9, с. 148]. Некоторые же из главных зачинщиков восстания были арестованы [9, с. 148]. Вскоре после восстания к А.П. Ермолову явился с раскаянием Ахмед-хан Мехтулинский. Получив прощение, он был приведен к присяге на верноподданство России, после чего Ахмед-хану были возвращены деревни, принадлежавшие его отцу [11, с. 25]. Следует отметить, что этому событию русское командование придало большое значение, т.к. в замужестве за Ахмед-ханом была Нох-Бике дочь Мехти – шамхала Тарковского [11, с. 25].

С наступлением затишья в Аварии к русскому командованию обратилась вдова Султан-Ахмед-хана Аварского с просьбой утвердить ханом ее сына. Но А.П. Ермолов назначил ханом Сурхая, сына Гебека. В то же время семье Султан-Ахмед-хана Аварского было объявлено, что она может воспользоваться покровительством русского правительства, если выедет из Аварии [8, с. 503]. Один же из сыновей аварского хана – Абу-Султан, принявший также участие в восстании, сумел скрыться [2, с. 28].

Анализ приведенных выше данных позволяет сделать ряд общих выводов:

1. Со второй половины 20-го десятилетия XIX в. ужесточается колониальная политика России на Северном Кавказе, чему способствовали некоторые обстоятельства. Одной из главных причин являлось то, что царское правительство не могло не учесть значение Северного Кавказа в случае новой войны с Ираном и Турцией. И поэтому «Завоевание Северного Кавказа, – как писал А.В. Фадеев, – становилось для русского царизма первоочередной стратегической и политической задачей» [15, с. 282]. Отмечая этот фактор, К. Маркс писал: «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища...» [5, с. 24]. В то же время кавказское командование хотело обезопасить свой тыл на случай войны с Турцией и Ираном, так как последние, исходя из собственных интересов, продолжали поддерживать антиколониальную борьбу горцев. Опасаясь выступления горцев, А.П. Ермолов писал императору: «Государь, внешней войны опасаться нельзя... Но внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее. Горские народы примером независимости своей в самих подданных Вашего Императорского Величества порождают дух мятежный и любовь к независимости...» [6, с. 278].

2. Одним из главных организаторов восстания в Дагестане 1823 г. был Султан-Ахмед-хан Аварский, а основным действующим лицом в нем являлся Умалат-бек [6, с. 386].

3. В восстании в Дагестане в 1823 г. участвовали широкие слои народных масс. Причиной восстания стала жестокая колониальная политика, которую проводил царизм для покорения народов Северного Кавказа. Применяя различные методы, он захватывал большие территории, принадлежавшие этим народам, строил на них укрепления, крепости. Ущемлена была в правах и привилегиях и часть феодальных владетелей Дагестана, которые и возглавили это восстание.

3. В 1823 г. в Дагестане впервые начал распространяться мюридизм [16, с. 16]. Однако к этому времени он еще не стал идейным оружием восставших и охватил лишь часть их. Так, в числе ак-

тивных соратников Умалат-бека были представители кюринцев и казикумухцев, являвшиеся последователями Магомеда Ярагского [11, с. 24].

4. По итогам восстания царское командование решило увеличить войска на Кавказе. Так, выжив большой некомплект в войсковых частях, достигший в 1823 г. до 16 тыс. человек, А.П. Ермолов ходатайствовал перед военным министерством о пополнении корпуса. Однако вместо 16 000 тыс. людей в корпус прибыло лишь 9000 тыс. человек [10, с. 378]. Тогда же был впервые поднят вопрос о крайней необходимости учредить в Темир-Хан-Шуре постоянный пост с достаточным гарнизоном [10, с. 375].

ЛИТЕРАТУРА

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. 659 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Бергзе. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904. Т. VI, ч. II. 950 с.
3. Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. М., 1989. С. 11–12.
4. Магомедов Р., Магомедов А. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 2012. С. 103.
5. Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991. 76 с.
6. Потто В. Кавказская война в очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2014. 1231 с.
7. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 3. Д. 443. Л. 193.
8. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. 640 с.
9. Записки А.П. Ермолова с приложениями. Ч. II. 1816–1827 г. М., 1868. 192 с.
10. История Апшеронского полка. Т. 1. СПб., 1892. 518 с.
11. Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886. 607 с.
12. Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М.: Парнас, 2011. 456 с.
13. Гезалова Н.Р. О посольстве генерала А.П. Ермолова в каджарском Иране // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 86–87.
14. История Дагестана. Т. 1. М., 2004. С. 484–485.
15. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 396 с.
16. Плиева З.Т. Мюридизм – идеология Кавказской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 2001. С. 16.

Поступила в редакцию 03.08.2020 г.
Принята к печати 30.09.2020 г.